

Я стояла у Орега и думала: ЭТОТ ТЕАТР НАДО ПОКОРЯТЬ

Сегодня балетом Алексея Ратманского «Светлый ручей» открывается последний блок гастролей Большого театра. На сцену в роли Классической Танцовщицы выйдет Мария Александрова — одна из самых сильных балерин Большого театра, ставшая сенсацией парижских гастролей, особенно после выступления в «Дочери фараона», где она показала сразу в двух партиях — Рамзеи и Аспиччии. С Марией АЛЕКСАНДРОВОЙ по телефону связалась корреспондент «Известий» Ольга ГЕРДТ.

— Вас хвалят во всех рецензиях. Особенно после лакоттовской «Дочери фараона», которая парижан потрясла. Вы чувствуете, что проснулись знаменитой?

— Я, честно говоря, об этом даже не думаю. Для меня Париж как бесконечная работа, работа, работа... Но, правда, вчера так получилось, что я зашла в магазин и меня практически сразу узнали. Это был продавец. Оказалось, что он из наших «бывших»: артист балета, работал в Мариинке, учился в Вагановском. Он сразу и определил, кто я и что. Не скрою, было очень приятно...

— Правда, что после «Дочери фараона», в которой вы танцевали Аспиччию, занавес поднимали десять раз?

— Ну, не десять, но поднимали часто, публика так тепло встретила, что я даже была обескуражена. Мне казалось, что французы не скандируют на спектаклях.

— Для французов «Дочь фараона», которую Пьер Лакотт делал по мотивам Петипа, больше русский или французский спектакль?

— Вы знаете, мне кажется, они даже не могут думать об этом, потому что просто потрясены — и количеством народа на сцене, и всем, что происходит, и тем, что «Дочь фараона» в Парижской опере — это очень красиво. Когда выходит живая лошадь — красавица, не хуже, чем у нас в театре, они нашли такую же — белую, очаровательную, ну лапочка, — все в шоке. Когда обезьянка появляется — зал хохочет просто откровенно. Французы очень отзывчивые и добродушные, хотя нас всех пугали, что они холодные. Но пока все очень гладко идет.

— У нас есть фотография бельгийца Марка Хагемана: вы на фоне Парижа и Эйфелевой башни. Это вид из вашего номера?

— Нет, это не в номере, это еще лучше — это в Парижской опере, там такой замечательный переход есть между залами, совершенно прозрачные большие окна, из которых открывается панорама на Париж, в том числе на Эйфелеву башню. Театр, конечно, обалдеть можно.

— А сами условия гастролей — вы этим довольны?

— Французы делают все возможное и невозможное. У нас даже за кулисами есть специальные помогающие дамы, которые одевают, зашивают костюмы, но все по привычке бегут к своим. И эти дамы первые недели так расстраивались, что никто из русских к ним не подходит. Мы им сказали: не расстраивайтесь, просто артисты так устроены, что в последний момент бегут к тем, кого они лучше знают. Они так очаровательны были в этот момент

со своими расстроенными лицами — вроде столько сил, эмоций они нам дают, а мы пробегаем мимо. Ну потом все разрешилось.

— В этом сезоне вы сделали несколько ролей, и каждая — событие. За Классическую Танцовщицу в «Светлом ручье» вас выдвинули на «Золотую маску». А ваша Джульетта в спектакле Деклана Доннелана и Радю Поклитару показала, что в Большом театре есть балерина для современного репертуара.

— Прошлым летом кто-то, кажется, из японцев, на гастролях спросил: «Вы могли бы танцевать у Матса Эка?» Я сказала, что, наверное, нет, потому что не чувствую в себе какого-то слома, надлома. Того, на чем построен весь Матс Эк. Я открытое существо, и не было в моей жизни ситуации, чтобы что-то во мне сломалось. И так случилось, что «Ромео и Джульетту» я делала именно в такой момент. Но потому, наверное, и получилось, что во мне есть это противоречие. Между формой и образом. А форма меня очень давила. Я даже несколько раз ставила Радю в тупик, просила сделать что-то другое, но в конце концов мне пришлось принять эту Джульетту. Мое внутреннее состояние не соответствовало какой-то спортивности, грубости, жесткости внешнего образа. Но иностранцев поразило именно этот контраст, они говорили, что ни одна труппа в мире это не станцевала бы.

Одна англичанка, которая везет нас на лондонские гастроли, — такая смешная, серьги больше, чем она сама, — махала руками и была просто в эйфории. Это очень странно, потому что ни один балет мне не приносил столько мучений, как этот. То есть впервые в жизни это была для меня работа. Обычно я просто танцую, наслаждаюсь, а здесь была какая-то борьба.

— Этот спектакль изменил вас?

— Хорошо, что есть спектакли, которые показывают, что ты в чем-то не прав, консервативен. Этот балет абсолютно точно показал мне, что я ханжа. В том смысле, что раньше я прикидывала — это я буду танцевать, это не буду — и боялась уронить какую-то корону с головы. А вдруг оказалось, что я могу быть как все, я и есть как все, и вообще не стоит к себе серьезно относиться. Ты всего лишь материал в чьих-то руках — балетмейстера, руководителя театра, руководителя страны, наконец... Но внутри есть что-то, принадлежащее тебе одной, — это твоя душа.

— И что ей больше соответствует?

— Я, например, точно сказала себе: «Если бы я была маленькой девочкой и увидела такой спек-

МАРК ХАГЕМАН

такль, как «Ромео и Джульетта» Доннелана, я бы ни за что в жизни не пошла в балет!» Мне было страшно. И это правильно, потому что детское восприятие самое чистое. А посмотрев «Дочь фараона», я бы пошла в балет. Потому что это абсолютно детское, романтическое, наивное искусство. Но именно сочетание твоего внутреннего мира и того, что ты приобретаешь в процессе жизни — школа, театр, родители, система выживания, это тебя и создает. Когда я пришла на репетицию к Деклану — а уже был поставлен первый акт, я пришла на три недели позже из «Дочери фараона», — я была в шоке. От того, что все это не ново, что штампов достаточно, что все это пройденный этап. А с другой стороны, я не могла выкинуть из головы сцену на балконе, сцену боя, то есть я понимала, что режиссерски спектакль выстроен и что-то в себе несет. И вот такую бурю эмоций я носила в себе два дня. Это как разговор о смерти, которого все избегают. Похожее было ощущение — что-то скрывали, а

говорить об этом не хочется. Через два дня я пришла и сказала: «Я попробую». Во всяком случае, если не получится, я уже точно буду знать, что это не мое. В процессе я поняла, что все интересно, если ты шкалу не меняешь. Этот балет, например, невозможно делать для кого-то — только для себя.

— Теперь я слышу ответ на вопрос, который задают сейчас французы себе и Большому театру: «Почему эта потрясающая балерина Маша Александрова все еще не прима?»

— Я думаю, у кого как получается. Для кого-то это спортивная гонка, для меня нет. Я расту себе в театре и расту, и считаю, если мне дано кем-то стать, то стану. Если руководство не видит меня в каких-то ролях — это проблемы руководства, не мои. Но гонку я не люблю. А с большой высоты можно и больно упасть. Ты должен осознавать, что ты ввязался в эту игру — и платить за это будешь со временем все больше и больше. Я считаю, у меня все правильно в жизни идет — с зо-

лотой медалью в кордебалет, из кордебалета в солисты. Все правильно. Все этапы человек должен пройти. Единственный вывод, который я сделала из работы в театре: «С желаниями надо быть очень осторожным, у них есть свойство сбываться».

— И чего же вы себе такого пожелали, о чем теперь жалеете?

— В какой-то, как мне тогда казалось, безвыходной ситуации я пожелала, наверное, по-настоящему, от души, чтобы у меня было много работы, много хороших ролей. Поэтому что работа была, но... какая-то странная. И желание сбылось. Теперь моя душа, конечно, в восторге, но телу хуже! Оно обязано работать как никогда, и оно капризничает, чего люди иногда не понимают. Ведь раньше я могла работать по сорок восемь часов, теперь понимаю, что иногда могу и бунт на корабле устроить.

— Вас невозможно застать в номере в гостинице, неужели вы все время работаете?

— Нет, конечно. Еще Париж! Париж — это все. Я как-то приезжала сюда на три дня просто отдохнуть, выдалось время. Приезжала в период небольшой травмы, был больничный, и было такое состояние — да, красиво, но я мало что воспринимала тогда. Единственное, что меня тогда восхитило: я помню, ехала мимо «Опера», к самому театру, вдруг, разговаривая с таксистом, наклонила голову и увидела, что передо мной открывается нечто невозможное, и я посреди дороги сказала ему: «Стоп!» И он остановился, и я вдруг поняла, что этот театр нужно покорять. Были сумерки, и театр только начинал подсвечиваться. Небо вроде еще голубое, но в то же время уже достаточно темное — фантастическое зрелище. И так я про себя отложила эту мысль, про покорение. А на другой день поехала в Нотр-Дам. И когда вышла оттуда, сказала себе: «Да нет, боже мой, что покорять? Я такой червяк в этом мире, невозможно ничего сделать, от меня ничего не зависит». Такое падение было сверху вниз. А сейчас я просто бегу по Парижу, в совершенном восторге. В первый день мы гуляли шесть часов. Зная, что завтра репетиции и два прогона. От «Сакре-Кер» до Эйфелевой башни — мы были такие счастливые. Теперь без променада по Парижу я спать не ложусь.

— Сейчас вам предстоит «Светлый ручей» — это легче, чем все, что вы танцевали?

— По технике, наверное, да, но по ожиданиям здесь, в Париже, — наверное, труднее всего. Просто не представляю, как они воспримут все эти картины из колхозной жизни. Ну, второй акт, там еще хоть что-то понятно — какие-то отношения. А первый — просто картины той жизни, которой даже эмигранты не видели. Судя по реакции на обезьянку в «Дочери фараона», им должно понравиться.

— Ну да, там имперский китч, здесь — советский.

— Когда Морихиро Ивата — он гений, конечно, в этой партии — только начал спускаться по лиане в «Дочери» и они стали в голос хохотать, я решила, ну, значит, и «Ручей» им понравится. А сейчас я думаю, у них же есть свой стереотип восприятия нашей жизни при советской власти. Где-то на первой неделе гастролей я выходила из служебного входа; стояла дама достаточно пожилого возраста, она в каком-то поколении русская, но говорит с абсолютно французским акцентом — это было очень смешно. Она ждала Николая Борисовича Фадеечева, ее мама была его поклонницей, и вот она пришла отдать дань ему. Мы разговаривали, и она сказала, что вот на «Лебедином» она была, и ей понравилось очень, на Лакотта она не пойдет, потому что она его не любит — он свой, но она его не любит, а вот про «Светлый ручей» она сказала: «Наверное, вообще не пойду — какой-то колхоз». Нет, говорю, сходите: это не колхоз, аodeville — и очень смешной. Она «Да? Хо-хо-хо, как интересно!» То есть у них какой-то свой расклад. Так что не знаю, что нас теперь ждет.